

¹⁷ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... М., 2001. С. 390; Омельянчук И.В. «Дом, разделившийся в себе»... С. 125.

¹⁸ Подробнее см.: Омельянчук И.В. Черносотенное движение... С. 389.

¹⁹ Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 32; Омельянчук И.В. Черносотенное движение... С. 389.

²⁰ Размолодин М.Л. О консервативной сущности чёрной сотни. Изд. 2. Ярославль, 2012. С. 48.

²¹ Омельянчук И.В. Социальный аспект идеологии российских консерваторов начала XX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 429–430.

²² Иванов допускает небольшую неточность, говоря, что Земский и Городской союзы *объединились* в Земгор (с. 639). Хотя оба эти союза иногда так называли в просторечии, юридически они никогда несливались, создав лишь общий комитет по снабжению армии – собственно Земгор, распределявший военные заказы для мелкой и кустарной промышленности (крупной занимались военно-промышленные комитеты). Сами же Земский и Городской союзы сохранили свои функции, связанные с организацией помощи раненым и беженцам.

²³ Подробнее см.: Омельянчук И.В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Исторические науки. 2024. № 2(54). С. 60–79.

Даниил Коцюбинский

Черносотенный циферблат, два раза в сутки показывавший точное время*

Daniil Kotsyubinsky

(International Center for Social and Economic Research «Leontief Center»,
Saint Petersburg, Russia)

The Black Hundred dial, which showed the exact time twice a day

DOI: 10.7868/S3034579025060258

Поскольку революционные события начала ХХ в. в значительной мере определили последующее развитие России, поиск причин крушения монархии по сей день увлекает отечественных исследователей. В этой связи судьба тех, кто пытался её спасти, также вызывает повышенный научный и общественный интерес. Капитальный труд А.А. Иванова подводит «итог современного историографического этапа изучения русских правых партий начала ХХ в.» и впервые целостно и максимально полно очерчивает пройденный ими путь, «начиная с предыстории их возникновения и заканчивая уходом с политической сцены» (с. 6, 48). При этом, как спрашивало заметил Д.И. Стогов, Иванов «подробно излагает некоторые сюжеты, малоизвестные не только

широкому читателю, но даже специалистам по отечественной истории начала ХХ в.»¹. Книга, богата иллюстрированная фотографиями (многие из которых публикуются впервые), состоит из трёх частей, обрамлённых компактными введением и заключением. Почти половина её (девять глав, занимающих около 350 страниц) посвящена реконструкции и детальному анализу идеологии и основных программных положений правых организаций. Об их генезисе, становлении, структуре и численности, а также об основных направлениях и особенностях осуществлявшейся ими деятельности говорится в двух других, примерно равных по объёму частях.

Отсутствие в исследовании развернутого обзора историографии объясняется как тем, что все интересую-

* Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб: Владимир Даль, 2024. 735 с.

шиеся могут обратиться к специально посвящённым ей работам, указанным автором (с. 39–40), так и частым упоминанием и цитированием основных публикаций Ю.И. Кирьянова, И.В. Омельянчука, А.В. Репникова, Р.Б. Ромова, С.М. Саньковой, С.А. Степанова, Д.И. Стогова, А.А. Чемакина и др. К сожалению, при этом забыта монография Р. Эделмана², положившая начало изучению Всероссийского национального союза (ВНС).

Бесспорным достоинством книги Иванова является то, что он не пытается «заставить» смотреть на прошлое под определённым углом и сохраняет за читателем право, опираясь на множество приведённых фактов, провести самостоятельную критическую верификацию сделанных в тексте выводов и оценок. Ставя очистить образ правых (и прежде всего черносотенцев) от предвзятых и далеко не научных характеристик, встречающихся ещё в историографии, Иванов в то же время не впадает в обратную крайность и не стремится к какой-либо апологетике, в целом придерживаясь взвешенного и беспристрастного подхода.

Процесс становления и развития правых партий и союзов автор признаёт не «только наступлением “чёрных сил реакции”, как пытались представить правомонархическое движение его политические противники, но и неотъемлемой частью становления русского гражданского общества» (с. 711–712). Книга позволяет разглядеть глубокие культурно-исторические корни монархического мировоззрения, для которого единственным внешним ограничителем царского самодержавия являлось православное вероучение (с. 169–170). Подобные представления восходили ещё к самому первому светскому политическому трактату Московской

Руси – «Сказанию о Дракуле воеводе» конца XV в., кстати, хорошо известному идеологам чёрной сотни³. Следуя за Н.М. Карамзиным, сторонники Союза русского народа (СРН) считали, что в России, по выражению С.К. Глинки-Янчевского, «самодержавие явилось исторической необходимостью. Им обусловливалось само существование России». Тогда как «одной какой-нибудь формы правления, пригодной для всех народов, вне зависимости от времени и пространства, никогда не было, нет и не будет» (с. 173).

Иванов справедливо указывает на двойные стандарты, применявшиеся оппонентами черносотенцев. К примеру, кадеты, «не склонившиеся на обвинения правых в терроризме, как известно, так и не осудили террор левых» (с. 518–519). В то же время в монографии достаточно фактов и цитат, раскрывающих позицию крайне правых. Так, «рупор Р[усской] м[онархической] п[артии] “Московские ведомости” в 1905 году призывал к “законному террору” против “беззаконных террористов”» (с. 520). А один из лидеров СРН Б.В. Никольский полагал, что «когда на пять-девять наших они потеряют 50–60 своих вождей, весь террор как рукою снимет, и надолго» (с. 520–521). В итоге автор делает вполне убедительный вывод: «Во-первых, до сегодняшнего дня среди историков продолжается полемика относительно того, кем именно были инициированы данные преступления – вождями чёрной сотни, Департаментом полиции или руководителями правых боевых дружин. Во-вторых, эти преступления... никак не могут быть сопоставлены по своему масштабу с террористической деятельностью левых, число жертв которых в разы превосходит количество пострадавших от правых радикалов. В-третьих... если левые радикалы

своей террористической деятельностью гордились, то правые от обвинений в терроре практически всегда отмежёвывались». Исключение составляли, пожалуй, рассказы В.М. Пуришкевича об участии в убийстве Г.Е. Распутина (с. 547–548).

Особое внимание Иванов уделяет политическим оценкам и историческим прогнозам правых, которые оказывались иногда довольно верными. «Революция, — предсказывал в феврале 1909 г. Пуришкевич, — может быть отложена на 10–15 лет, но народ разворачивается путём народной школы... пропаганда идёт в войска, и когда войско и народная школа будут охвачены революцией, тогда дело наше проиграно, и кадеты, и левые, и правые — все будут висеть на фонарных столбах и телефонных проводах, ибо... революция будет национальною» (с. 552). Не случайно «уже в эмиграции В.А. Маклаков признавал, что “в своих предсказаниях правые оказались пророками”: “Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах... Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы”» (с. 651–652). Впрочем, подобные пророчества на фоне собранного и проанализированного Ивановым материала напоминают об остановившихся часах, которые два раза в сутки (в данном случае — в 1905 и 1917 гг.) «показывают точное время».

Книга Иванова не оставляет сомнений в том, что правые партии и движения, пережив кратковременный подъём, были обречены на неудачу. По словам автора, «период наивысшего подъёма и расцвета СРН,

пришедшийся на 1907 год, продолжался недолго, и уже в конце того же года в Союзе проявились тенденции, приведшие сначала к его ослаблению, падению численности, активности и влияния, а затем и к уходу с исторической сцены» (с. 97). В результате к 1917 г., «растеряв за время войны остатки былого влияния, правые уже не представляли силы, способной противостоять революции, и фактически потерпели поражение ещё до свержения монархии», будучи «дискредитированными вслед за властью, которую защищали» (с. 651). Как пишет Иванов, «трагедия русских правых... заключалась в том, что, сумев достаточно точно спрогнозировать последствия действий оппозиции, начавшей в условиях тяжелейшей для страны войны “штурм власти”; предсказав логику развития революции, свой крах и неспособность либералов удержать захваченную власть... а также конечное торжество радикальных левых сил, они не имели ни сил, ни возможностей победить своих противников». Но и «в годы Гражданской войны правые также не смогли стать влиятельной силой», а впоследствии, «несмотря на поправление многих русских эмигрантов, деятельность бывших лидеров дореволюционных монархических союзов на чужбине оказалась безуспешной» (с. 710).

Главной причиной краха монархической идеологии, помимо «общей разочарованности правыми партиями», являлась «растущая дискредитация в глазах общества существующего политического строя, правительства и монарха» (с. 153). На завершающем этапе существования Российской империи у самодержавия не осталось «запаса легитимной прочности»⁴. Точной невозврата, предопределившей дальнейшую неуклонную delegitimization власти Николая II, вероятно, следует признать издание Манифеста

17 октября 1905 г.⁵, после чего император с каждым годом терял популярность и всё чаще оказывался в центре политических скандалов (включая самый резонансный, связанный с Распутиным).

Даже многие монархисты (хотя, разумеется, не все) утратили веру в царя ещё до его свержения, а весной 1917 г. открыто отреклись от прежних убеждений. К примеру, издатель черносотенной газеты «Гроза» Н.Н. Жеденов призывал тогда основать новый СРН, который защищал бы православие и народность, но отнюдь не монархический принцип (с. 671). В то же время М.О. Меньшиков, идеолог ВНС, восклицал: «Боже, до чего прав я был, чувствуя задолго до войны глубокое возмущённое и презрительное чувство к Николаю II! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан». Теперь публицисту казалось, что «если бы московский народ после смерти последнего царя-Рюриковича просто упразднил бы монархию и вернулся бы к новгородскому народо-правству, то не было бы и великой смуты» (с. 672).

Не менее важным фактором, лишившим правых шанса на успех, являлась их невостребованность как в социальных «низах», так и в образованном обществе. Впоследствии Марков 2-й признавал: «Для простонародья (значит для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо всё то, что социалисты отдельных мастей обещали давать в постепенности и в соразмерности с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу же и без всякой соразмерности». (с. 684–685). Крестьяне поддерживали СРН только там, где это сулило в перспективе «чёрный передел» и позволяло оказывать давление, например, на польских землевладельцев. «В этом

плане, — пишет Иванов, — очень показательна ситуация на Волыни, где активная социально-экономическая деятельность [архимандрита] Виталия (Максименко) привела к массовому вступлению местных крестьян, заинтересованных в получении ссуд и в иной помощи, направленной на решение земельного вопроса, в ряды СРН. Но после революции, когда местный отдел СРН прекратил свою деятельность... тысячи крестьян, ранее стоявших под знамёнами чёрной сотни, встали под «жовто-блакитные» флаги, поскольку в изменившихся политических условиях выгоднее было «записаться» в украинцы» (с. 632–633).

Интеллигенцию монархисты именовали «дерзкой», «наглой», «истерической», «гнилой», «пошлой», «чужедумной», «умственно протухшей», «крамольной», «преступной», «предательской» (с. 611). Пуришкевич высказывался ещё более категорично, чуть ли не с «ленинской прямотой»: «Наш общественный элемент, так называемая интеллигенция русская, в переводе на простой язык — извините за выражение — сволочь» (с. 611). Черносотенцы решительно отвергали ту часть современной им русской культуры, которая не вписывалась в их идеологические рамки. К примеру, Марков 2-й, по словам Иванова, «в творчестве А.А. Блока, Ф.К. Сологуба, А. Белого, З.Н. Гиппиус видел скрытое “отправление сатанинского культа”, а Д.С. Мережковского называл “жутким писателем” и “пророком антихриста”» (с. 598). Отвергались и такие писатели, как Л.Н. Андреев и А.И. Куприн. При этом «в своём правом духе нередко отмечалось, что причиной нравственного падения русской литературы является проникновение в неё евреев, а популярность “писателей-деградантов” объяснялась их «раздутостью еврейской

печатью» (с. 599). Весьма показательно, что «в 1908 году стараниями Р[усского] н[ародного] с[оюза имени] М[ихаила] А[рхангела] была со-рвана театральная постановка драмы О. Уайльда “Саломея”, в которой правые увидели оскорбление религиозных чувств православных верующих... В итоге антреприза В.Ф. Комиссаржевской была разорена» (с. 603). Со своей стороны, РНСМА просил директора Императорских театров «изменить репертуар», напоминая о необходимости служить «интересам царя и России» и рекомендуя почаще ставить «любимую народную оперу “Жизнь за царя”» (с. 604). Беспокоил крайне правых и кинематограф, который, по их убеждению, «так же может разорять население, как и водка». Для выявления «кощунственных, порнографических и антипатриотических картин» организовывались черносотенные рейды по кинотеатрам (с. 606).

Неудивительно, что учащаяся молодёжь за правыми не пошла. В 1905–1907 гг. «малочисленные группы студентов-монархистов практически никак себя не проявили», тогда как «подавляющее большинство студенчества оказалось в леворадикальном и либеральном лагере». Причём «не встретили студенты-монархисты поддержки и в преподавательской среде, настроенной в большей части оппозиционно» (с. 561). И хотя правые использовали «весь доступный им арсенал для пропаганды своих политических взглядов и мировоззрения, но... одолеть своих идеальных противников на этом поприще так и не смогли», прежде всего – из-за нехватки «энергичных и талантливых деятелей» и меньшей привлекательности «для образованных классов консервативных политических культурных установок» (с. 632).

Несмотря назвщенность и беспристрастность авторских выводов,

некоторые из них всё же требуют уточнения. Так, отвергая популярное в либеральной публицистике обвинение черносотенцев в расизме, Иванов утверждает, что правые, используя понятие «русские», «никогда не сводили его до принципов этнической чистоты, кровного родства или расово-биологического критерия, чуждых православной традиции» (с. 199). Однако «практически во всех программах правых партий отмечалось, что не только иудеи, но и лица еврейского происхождения не могут быть членами черносотенных организаций» (с. 226). В частности, Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования, созданного по инициативе Пуришкевича, запрещал «приём в состав его членов евреев (включая лиц еврейского происхождения по мужской и женской линии), в том числе и принявших христианство, а также русских и лиц других национальностей, состоящих в браке с “лицом иудейского происхождения”» (с. 556). К тому же «иногда черносотенцы подхватывали и популярные в те времена на Западе расистские идеи (например, А.С. Шмаков или В.Ф. Залесский, писавшие о евреях как об особой расе), что явно вступало в противоречие с православным вероучением» (с. 230). И хотя, по мнению Иванова, «большинство черносотенцев всё же оставались чужды расовому подходу», подтверждается это лишь заявлениями православных священников (в СРН отнюдь не преобладавших), среди которых также встречались исключения, наподобие скандального иеромонаха Илиодора (Труфанова), грозившего пролить «реки жидовской крови» (с. 230–231). Вполне расистские по духу рассуждения можно найти и у идеологов ВНС. Тот же Меньшиков исходил из того, что «среди человеческих племён и типов есть прирождённые культур-

ные люди и прирождённые дикари», а Ковалевский полагал, что «люди, живущие на вольном воздухе, облашают более твёрдым духом, ясным умом, смелой поступью, радушнее и благороднее, чем люди, прячущиеся в лесах»⁶.

Отношение монархистов к насилию и террору также настоит упрощать. Конечно, Иванов убедительно показал, что руководители черносотенных союзов не являлись организаторами погромов. Пожалуй, «лидеры правых действительно позволяли себе... антисемитские выпады, могли даже пугать евреев тем, что если их единоплеменники не прекратят анти-монархической и антицерковной деятельности, то их может ждать новая волна погромов, но никогда не призывали к этим акциям членов своих партий и союзов». Но из этого всё же не следует, что, «например, трактовать думскую речь Н.Е. Маркова, произнесённую в связи с делом Бейлиса, как “прямой призыв к еврейским погромам”... большая натяжка» (с. 507). Как бы то ни было, в ней заранее оправдывалась любая самая жёсткая реакция на признание М. Бейлиса невиновным: «Тут говорили о погромах... С тех пор, как Союзы русского народа взяли в свои руки народные массы (смех слева), именно с тех пор нет еврейских погромов... Мы удерживаем народ от проявления дикого зверского произвола... но это делать мы можем только до той минуты, пока... сохраним нравственное право... убеждать союзников в том, что есть ещё правда на земле, что есть ещё закон... Но в тот день, когда при вашем соучастии, господа левые, русский народ убедится окончательно в том... что уже нет закона, что уже нет возможности обличить на суде иудея... в тот день, господа, будут еврейские погромы... и этот погром не будет таким, какие бывали до сих пор, это не будет погром жидовских перин,

а всех жидов начисто до последнего перебьют» (с. 507–508).

Иванов видит противоречие между принципиальными заявлениями черносотенцев о неприятии «какого бы то ни было убийства», так как это «смертный грех» (с. 532), и теми откликами, которые «Вече» или «Русское знамя» печатали, в частности, после гибели М.Я. Герценштейна. Не отрицаёт автор и то, что «в частных разговорах некоторые лидеры правых также высказывали явное сочувствие этим актам индивидуального террора» (с. 530). Но здесь хотелось бы не просто констатации, а того или иного развёрнутого комментария.

По словам автора, в 1905–1907 гг. «в результате контрреволюционной мобилизации широких народных масс правый лагерь превратился в многочисленную и влиятельную политическую силу», а «черносотенное движение было массовым и до определённого времени пользовалось поддержкой значительно большей части российского общества, чем политические организации иной идеологической направленности» (с. 149–150). Но почему же тогда на думских выборах, вплоть до изменения 3 июня 1907 г. избирательного закона, крайне правых ждал сокрушительный провал? В I Думу они не смогли провести ни одного депутата, набрав всего 9,2% голосов выборщиков. При избрании II Думы им зачастую приходилось негласно блокироваться с октябристами, но и это дало более чем скромный результат (с. 280–283). Вероятно, этот парадокс в книге следовало как-то пояснить.

Вслед за Н.Н. Козловой Иванов уверяет, что «русские консерваторы были чужды мизогинии (женоненавистничества)» (с. 409). В то же время Первый Всероссийский женский съезд, проходивший в 1908 г. под девизом «Равные обязанности – равные

права», Пуришкевич охарактеризовал как «величайший духовный всероссийский бардак». Тогда же, отвечая на разосланную организаторами анкету, он «направил “равноправкам” шокировавший всех ответ: “Женский труд – когда их трут”». Громким скандалом обернулось и его письмо устроительнице съезда 70-летней А.П. Философовой. Обращаясь к ней, лидер РНСМА «выражал “изумление”, “сколько бессемейной... трухи развелось в России”» (с. 407). Впрочем, мизогиния черносотенцев была избирательной: в частности, они полагали, что «народные учительницы – воспитанницы епархиальных училищ – будут обладать более высокой нравственностью, нежели народные учителя из интеллигентной среды, и “научат молиться Богу, а не делать революцию”» (с. 557).

По-прежнему дискуссионной остаётся и типологизация правых партий в Третьеиюньский период. Иванов не согласен «вывести националистов за пределы правого движения и, объединив их с октябристами, именовать “правоцентристами” или “консервативными либералами”, и тем более считать консерваторами исключительно октябристов и националистов как стоявших “на страже структурных и идеино-политических основ думской монархии”» (с. 38–39). Соглашаясь с ним, Стогов утверждает, что черносотенцы и русские националисты представляли собой «как бы две ветви единого правого политического спектра Российской империи периода её заката»⁷. И в целом это верно. Однако «правый политический спектр», оформленный в 1905–1907 гг. как единое антиреволюционное течение (частью которого являлись и октябристы), практически сразу после начала работы III Думы раскололся и как «правое движение», объединяющее разные союзы и группы, существовать перестал.

Крайне правые реакционеры, с различной степенью радикализма, стремились к возвращению в «доманифестное» время и, по сути, находились в более или менее конструктивной оппозиции к правительству П.А. Столыпина и его преемников. Собственно, и Иванов признаёт думских черносотенцев «системной оппозицией» и «консервативной оппозицией правительенной власти» (с. 101, 266). Между тем умеренно-правые и русские националисты (сперва действовавшие самостоятельно, а затем объединившиеся в Русскую национальную фракцию), напротив, поддерживали столыпинские реформы, блокируясь в Думе с «Союзом 17 октября» и занимая правоцентристские позиции. Поэтому, во избежание терминологической путаницы, важно различать фракцию крайне правых в III и IV Думах с одной стороны – и всё правое думское крыло («правый спектр»), к которому, помимо крайних, принадлежали умеренно-правые, националисты и фракция «центра», с другой. Несмотря на существенные расхождения, крайне правые и русские националисты солидарно выступали по ряду законопроектов, прежде всего касавшихся национальных, религиозных и образовательных проблем⁸.

В том, что в Третьеиюньский период умеренно-правые и русские националисты типологически составляли единое партийно-политическое «движение» с октябристами, а не с крайне правыми, убеждает и материал, приведённый в книге Иванова. Весьма показательно уже то, что в отличие от черносотенцев термин «революционеры справа» никогда не применялся «к полностью признававшим третьеиюньскую политическую систему националистам и умеренно-правым» (с. 27). При этом «представители правительенной власти» предпочитали «иметь дело с либерально-консервативными

или консервативно-либеральными партиями», т.е. с октябрьстами и ВНС (с. 266–267).

Сами русские националисты дистанцировались от крайне правых. «Зачем делать вид... будто партия национальная одно и то же, что партия правых?», — недоумевал Меньшиков. Он же указывал: «Самое несогласимое различие между Всероссийским национальным союзом и монархическими партиями то, что мы признаём Основные законы, а они воюют с ними. Для монархистов акт 17 октября 1905 года есть акт революции, для нас — акт закономерной воли монарха. Монархисты полагают, что так называемый “новый режим” не народен, что он навязан народу и государю кучкой узурпаторов с демоническим С.Ю. Витте во главе. Националисты думают наоборот: они полагают, что так называемый “старый режим”... перестал быть национальным. Какова бы ни была наша новая конституция... она более национальна, чем вечное бездействие и вечное превышение власти» (с. 177).

Иванов констатирует, что «двойственность программы ВНС» отталкивала черносотенцев, которые «критиковали идеологию ВНС как “национализм без веры и царя”, обвиняя националистов в “полном равнодушии” к православной вере и “непризнании царского самодержавия”» (с. 128). Марков 2-й в феврале 1912 г. даже сравнивал их с вероотступниками: «Как униаты суть те же православные, но признающие папу римского, так и националисты суть те же правые, но признающие конституцию» (с. 177). Согласно наблюдениям Р.Б. Ромова, «консервативная роль в третьеиюньской монархии “националистов” и разного рода “умеренных” несомненна, притом, что самодержавие если и сохранялось в их идеологическом багаже, то в качестве пустой ритуальной формулы или пре-

ходящего обстоятельства» (с. 129). Не спорит с этим и Иванов (с. 175). «Союз же русского народа и единомышленные ему организации..., — свидетельствовал позднее Марков 2-й, — не могли отказаться и не отказались от отстаивания незыблемости царского самодержавия и в этом смысле заняли враждебное отношение к конституционной Государственной думе и к поддерживавшему её правительству» (с. 269).

При обсуждении аграрной политики ВНС и думская фракция националистов, в отличие от многих крайне правых, «не только всецело поддержали столыпинскую реформу, но и выступили за её дальнейшее развитие» (с. 338). Иванов считает, что «черносотенцы и националисты немало способствовали прохождению столыпинского законопроекта о западном земстве» (с. 210)⁹. Но при этом он почему-то не упоминает о ярком выступлении Пуришкевича, который 27 апреля 1911 г. раскритиковал данную меру с думской трибуны, обвинив Столыпина и его сторонников в «зоологическом национализме»¹⁰.

Упорное стремление автора включить крайне правых и русских националистов в единое «движение» и в один «лагерь» неизбежно приводит к путанице. Так, в книге определение «правые» часто используется для обозначения собственно черносотенцев и только их (с. 196, 240, 287, 442, 498). К примеру, Иванов пишет про «недовольство правого лагеря» тем, что Столыпин «проявлял “конституционную твёрдость в охране народного представительства”». Причём «правые также подозревали премьера в попытках узурпации власти императора, в “диктаторском властолюбии”, в стремлении быть “самодержавным министром”» (с. 246). Очевидно, что речь тут идёт не про русских националистов, которые, наоборот, внедряли

«культ П.А. Столыпина» в массовое сознание¹¹. Не случайно в некоторых параграфах русские националисты представлены крайне скрупульно либо по-просту «выпадают» из поля зрения автора. «1905 год, — пишет Иванов, — явился годом зарождения и становления массовых правых политических партий в России... Особенности следующего периода в деятельности правых партий (конец 1907 — начало 1914 года) заключались в том, что они стремительно стали растрачивать былое влияние» (с. 136). Но, как известно, ВНС возник в 1908 г., а на 1910—1912 гг. пришёлся пик его деятельности. Забыты русские националисты и в Заключении (с. 711—717).

Конечно, партийная политическая жизнь ВНС была на порядок менее масштабной и яркой, чем у СРН. Но такие фигуры, как В.В. Шульгин или Меньшиков, ничем не уступали самым видным черносотенцам. Тем не менее цитируются и упоминаются они в монографии гораздо реже, чем Пуришкевич или Марков 2-й. Характерно, что при освещении борьбы правых против народного пьянства ничего не сказано про резонансный публицистический цикл Меньшикова «Пьяный бюджет»¹². Попадаются также досадные фактологические ошибки: образование фракции умеренно-правых отнесено к 1908 г. (с. 123), тогда как оно произошло в ноябре 1907 г.¹³, депутат В.П. Шейн назван священником (с. 373), хотя его рукоположили в сан иеря только 12 сентября 1920 г., и т.п.

Можно найти у Иванова и отголоски «теории двух большинств». Правда, решающую роль он отводит не октяристам, как это делалось в советской историографии, а «партии и довольно представительной фракции националистов, занявших нишу между фракцией правых и октяристов». Столыпин будто бы использо-

вал их «как гирю на весах, которую председатель правительства передвигал в нужном ему направлении: если премьеру необходимо было провести законопроект консервативного, национально-патриотического или церковного содержания, националисты, как правило, голосовали вместе с крайне правыми; если главе правительства нужно было получить большинство голосов в поддержку той или иной реформаторской инициативы... голоса националистов усиливали либеральный сектор Думы» (с. 127). Вот только абсолютного большинства у националистов и крайне правых в III Думе не было. Поэтому более убедительным кажется вывод А.В. Лопуховой, установившей, что «фактически действовало одно большинство» и «все наиболее значимые для Столыпина законопроекты были проведены через Думу при содействии умеренно-правых и октяристов»¹⁴.

Как отмечает автор, многие черносотенцы (правда, с разной степенью полноты и далеко не все) приняли большевистскую революцию, публиковали «хвалебные слова в адрес новой власти», наводившей в стране долгожданный «порядок», голосовали за РСДРП(б) на выборах в Учредительное собрание, затем приветствовали его разгон, утверждая, что большевики — «единственные политически честные люди за всё время революции», которые «вопреки своей воле и мысли» выполняют «всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе» и фактически собирают «великую, единую и неделимую» Россию (с. 679—681). По сути, в этом черносотенцы предвосхитили то, что чуть позже сформулировали евразийцы и сменовеховцы. Но ещё более показательно, что некоторые предложения правых партий, призванные навести порядок в сфере управления госу-

дарством, в идеологии, образовании, культуре, воспитании и т.п., частично нашли своё воплощение в сталинском СССР» (с. 713).

Финальный абзац книги переносит её выводы на совершенно иной уровень. «Таким образом, — уверенно заявляет историк, — многие вопросы и проблемы, волновавшие правые партии и союзы более ста лет назад, не утрачивают актуальности и сегодня. Происходит это потому, что правые партии дореволюционной России являлись одним из проявлений русского традиционализма со всеми его достоинствами и недостатками, который, пусть и в иных формах, продолжает отстаивать своё право на существование и в настоящее время» (с. 717). Всё это лишний раз убеждает в том, что А.А. Иванов создал в высшей степени ценный и содержательный научный труд, открывающий перед исследователями новые перспективы.

Примечания

¹ Стогов Д.И. Рец. на: А.А. Иванов. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024 // Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня. Сборник материалов конференции. СПб., 2024. С. 287.

² Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party. 1907–1917. New Brunswick (NJ), 1980.

³ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 41.

⁴ Коцюбинский Д.А. Делегитимация императорской власти в контексте формирования антираспутинской фронды и освещение на

страницах российской прессы думских дебатов вокруг «старца» (1909–1916 гг.) // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. Ч. 2. СПб., 2022. С. 63.

⁵ Там же. С. 48–63.

⁶ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 98–100.

⁷ Стогов Д.И. Рец. на: А.А. Иванов. Правые партии Российской империи... С. 286.

⁸ Коцюбинский Д.А. Думская монархия (1906–1917) в современной историографии: проблема переосмыслиния и уточнения понятийно-категориального аппарата // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. Ч. 2. СПб., 2020. С. 44–61.

⁹ По мнению Д.И. Стогова, напротив, «к столыпинскому законопроекту о западном земстве далеко не все черносотенцы относились положительно». Подробнее см.: Стогов Д.И. Русские монархисты начала ХХ в. о положении православного населения Западного края // Руцин. 2019. Т. 58. С. 85–87.

¹⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1911 г. Сессия четвёртая. Часть III. Заседания 74–113. СПб., 1911. Стб. 2887–2914.

¹¹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале ХХ столетия... С. 477–490.

¹² Меньшиков М.О. Пьяный бюджет. Р.С. // Новое время. 1907. 29 марта. С. 2; Меньшиков М.О. Пьяный бюджет (II). Р.С. // Новое время. 1907. 2 июня. С. 2–3; и др.

¹³ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале ХХ столетия... С. 30–31.

¹⁴ Лопухова А.В. III Государственная дума: механизм функционирования // Российская государственность: от истоков до современности. Сборник статей международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности. Самара, 2012. С. 80–83.